

В. В. Белоконь

К проблеме обеспечения сохранности архивных документов на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны

Анализ документов первой половины 1940-х гг., хранящихся в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК), свидетельствует об огромном ущербе, нанесенном Архивному фонду Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны. В результате историческая наука лишилась ценных документальных источников о развитии Ставрополья в XIX–XX столетиях. В связи с этим особый интерес представляет исследование проблем обеспечения сохранности архивных документов и определение основных причин их утраты в указанное время.

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 29 марта 1941 г. № 723 в годы Великой Отечественной войны в крае действовала следующая сеть государственных архивов:

- Государственный архив Орджоникидзевского (с 1943 г. – Ставропольского) края (крайгосархив), образованный в начале июля 1941 г. путем объединения двух краевых архивов, находившихся в г. Ворошиловске, – исторического, а также Октябрьской революции и социалистического строительства;

- филиал Государственного архива Орджоникидзевского края в г. Пятигорске, созданный в то же время из краевого архива, располагавшегося в г. Пятигорске;

- Государственные архивы Черкесской и Карачаевской автономных областей, а также Кизлярского округа;

- районные и городские государственные архивы во всех районных центрах и городах (за исключением Ставрополя, Пятигорска, Микоян-Шахара, Черкесска и Кизляра).

Их работой руководил отдел государственных архивов Управления НКВД по Орджоникидзевскому (с 1943 г. – Ставропольскому) краю (далее – ОГА УНКВД), образованный по Постановлению Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1938 г., оформившему передачу архивных учреждений республики в ведение органов внутренних дел. В 1940-х гг. его возглавлял лейтенант государственной безопасности Георгий Константинович Ларичев, работавший в архивных органах с ноября 1938 г. Как показывает анализ,

деятельность архивов в данное время строго регламентировалась указаниями Управления государственных архивов НКВД СССР (далее – УГА НКВД СССР), краевого управления НКВД, крайкома ВКП(б).

В первые месяцы войны, в июне – августе 1941 г., государственные архивы Ставрополя продолжали работы по научно-технической обработке документов, а также по выявлению и передаче непрофильных фондов и документов в соответствующие архивы страны.

Особое внимание при этом уделялось переводу документов на секретное хранение и «разгрузке архивов от макулатуры», т. е. выделению к уничтожению документов, «не имеющих важного значения». Насколько объективно и квалифицированно проводилась оценка документов, сегодня судить очень сложно, не имея возможности получить полное представление о содержании уничтоженных материалов. Тем не менее, учитывая применявшийся в то время при проведении экспертизы ценности документов «классовый подход», можно предположить, что определенная часть ценных для исторической науки источников была утрачена именно при выделении «макулатуры» [1].

Только в начале сентября 1941 г. одной из главных задач было признано сохранение архивных документов. В этих целях введены ограничения по использованию документов: читальные залы обслуживали теперь только представителей партийных и судебно-следственных органов, военного командования, органов НКВД и прокуратуры; выдача справок частным лицам категорически запрещалась [2].

Указания начальника УГА НКВД СССР, майора госбезопасности И. И. Никитинского о необходимости подготовки наиболее важных архивных документов края к эвакуации были получены секретной почтой 30 августа 1941 г. Срочность проведения данных работ подтверждалась также шифрованной телеграммой, переданной 4 сентября. Первоочередной эвакуации подлежали документы ОГА УНКВД и крайгосархива.

В связи с этим в сентябре – октябре в спешном порядке проводился отбор документов к эвакуации, приобретались необходимые упаковочные материалы. Основную часть работ удалось завершить к 23 октября 1941 г. [3].

Первая партия архивных материалов покинула краевой центр 1 ноября 1941 г. Несмотря на то, что к эвакуации были подготовлены практически все документы крайгосархива, вывезти удалось только часть из них – 92 ящика. Связано это было с тем, что краевой УНКВД выделил для архивов только один вагон вместо требовавшихся 10–15 [4]. Кроме Г. К. Ларичева, «спецгруз» сопровождали еще 2 архивных работника: директор Государственного архива Орджоникидзевского края Иван Панфилович Сергеев и старший научный сотрудник архива Нина Ивановна Прокофьева [5]. Все кандидатуры были согласованы с крайкомом партии.

Перевозка архивных материалов осуществлялась в чрезвычайно трудных погодных условиях, «при многократных перегрузках на железной дороге и водном транспорте». Пробыв в пути около месяца, они прибыли в г. Кызыл-Орда Казахской ССР 28 ноября 1941 г. Однако местное управление НКВД

категорически отказалось принять привезенные материалы. В этой критической ситуации Г. К. Ларичеву пришлось обратиться за помощью в Москву, откуда местному руководству были даны соответствующие указания.

Вместе с тем, решение вопроса о передаче материалов задерживалось. Только 13 декабря 1941 г. Кзыл-Ординское областное управление НКВД информировало начальника НКВД Казахской ССР о прибытии эвакуированных материалов. Соответствующие указания по данному вопросу были получены 17 декабря [6]. В тот же день оформлен акт приема-передачи материалов. В акте, в частности, указывалось, что 90 из 92 ящиков занимали архивные дела, учетные документы и научно-справочный аппарат: описи, дела фондов, списки фондов, топографические указатели, тематические картотеки [7].

В числе эвакуированных в первоочередном порядке значатся только секретные документы по 167 фондам, в том числе 123 фондам периода Гражданской войны и первых лет советской власти, а также 44 дореволюционным фондам. Среди них: 1909 дел Ставропольского губревтрибунала, 524 дела Ставропольского губернского военного комиссара, 364 дела Ставропольского штаба частей особого назначения (ЧОН), 224 дела Ставропольского окрисполкома, 139 дел губисполкома и др.

Из дореволюционных фондов в списке указываются 2188 дел Ставропольского губернского правления, 784 дела канцелярии Ставропольского губернатора, 423 дела помощника начальника Терского областного жандармского управления в г. Ставрополе, 105 дел Ставропольского окружного суда и др. [8].

В соответствии с секретными указаниями УГА НКВД СССР из оставшихся в Ворошиловске документов крайгосархива были выделены наиболее важные комплексы и фонды, составившие более 200 тыс. дел. Из них около 100 тыс. дел рассредоточили по разным местам в городе, а остальные документы (около 120 тыс. дел) укрыли в специально устроенных отсеках подвального помещения архива (бывшей Андреевской церкви) [9]. Укрытием документов занимались 9 сотрудников архива, которые перед этим прошли специальную проверку и дали подписку о неразглашении сведений [10]. Вместе с тем, подавляющее большинство документов – около 400 тыс. дел – продолжало оставаться на прежних местах.

С ноября 1941 г. крайгосархив прекратил деятельность, его сотрудники уволены, за исключением руководителя и девяти специалистов: трое из них переведены в ОГА УНКВД для проведения инспекторской работы, другие шесть контролировали сохранность оставшихся в городе архивных материалов [11].

Вторая партия архивных материалов была вывезена за пределы края непосредственно перед оккупацией Ставрополья. Подготовка к этому началась во второй половине мая 1942 г. в соответствии с секретным распоряжением Г. К. Ларичева, которое предусматривало проведение срочных работ «по топографированию наиболее ценных документов с целью их быстрейшего изъятия в случае необходимости эвакуации или рассредоточения».

В распоряжении разъяснялось, что к категории особо ценных следовало отнести документы, имевшие «чекистско-оперативное значение», материалы избирательных комиссий, постановления Советов депутатов трудящихся, документы по личному составу учреждений, организаций, предприятий, протоколы конференций, съездов, совещаний, материалы по стахановскому движению, социалистическому соревнованию, ударничеству и др. [12].

10 июля 1942 г. была получена шифрованная телеграмма НКВД СССР о необходимости подготовки архивов к эвакуации. Уже 14 июля Г. К. Ларичев доложил УНКВД о проделанной работе [13].

В Ворошиловске и Пятигорске в срочном порядке 14 и 17 июля были проведены совещания с руководителями краевых учреждений, организаций и предприятий по вопросам «состояния архивного хозяйства». Готовились аналогичные совещания в Черкесске и Микоян-Шахаре, однако, из-за быстрого приближения фронтовой полосы их пришлось отменить.

На совещаниях отмечались многочисленные факты «плохой работы с архивными документами»: документы не подвергались своевременной научно-технической обработке и хранились в «хаотическом состоянии», что являлось главной причиной их утрат.

К сожалению, не известно, рассматривались ли на совещаниях организационные вопросы эвакуации архивных документов учреждений и организаций края (в стенограмме сведения об этом отсутствуют) [14]. Учитывая то, что основное внимание участников совещания обращалось на необходимость качественного проведения научно-технической обработки архивных документов учреждениями, организациями, предприятиями в то время, когда линия фронта приближалась уже к территории края, следует признать данные меры не только не эффективными, но и практически безрезультатными.

Весьма запоздалым оказалось и секретное указание Орджоникидзе-вского крайисполкома председателям исполкомов облокргоррайсоветов депутатов трудящихся о срочном проведении мероприятий по сохранению архивных документов. Оно датировано 15 июля 1942 г. и поступило в районы и города края только во второй половине июля (ОГА УНКВД получил его только 20 июля).

«В целях упорядочения архивного дела в крае и обеспечения сохранности документальных материалов» крайисполком рекомендовал принять следующие меры:

во-первых, **немедленно** (здесь и далее сроки проведения мероприятий выделены автором статьи – В. Б.) отобрать подлежащие уничтожению архивные материалы, не имеющие «важного значения», и документально оформить результаты экспертизы ценности с учетом нормативных требований;

во-вторых, **в ближайшее время** завершить упорядочение и учет документов, подлежащих дальнейшему хранению, и обеспечить их сохранность, обратив особое внимание при этом на документы периода войны;

в-третьих, **по истечении срока хранения** в учреждениях передать материалы в государственные архивы;

в-четвертых, документы периода войны, не связанные с оперативной деятельностью учреждений, в том числе переписку с фронтом по мере их использования передавать в соответствующие архивы;

в-пятых, прекратить использование документов в качестве бумаги, материала для письма и для других целей без согласования с ОГА УНКВД;

в-шестых, приказами назначить ответственных за сохранность, учет и использование документов учреждений и организаций;

в-седьмых, предупредить всех руководителей учреждений, что при обнаружении порчи, незаконного использования и уничтожения документов виновные будут привлекаться к судебной ответственности [15].

Несмотря на то, что в данном документе довольно четко был определен основной круг первоочередных мероприятий по обеспечению сохранности документов в ведомствах, однако, конкретные сроки их реализации не предусматривались. Не указывались также меры по эвакуации и сохранению архивов в случае оккупации края. Данное письмо носило исключительно рекомендательный характер и фактически не могло быть выполнено в связи с поздней его рассылкой (непосредственно перед приходом оккупантов).

Таким образом, материалы совещаний и указания крайисполкома констатировали неудовлетворительную постановку архивного дела в учреждениях, организациях и предприятиях края как в довоенный период, так и в начале войны, и подтверждали необходимость принятия оперативных, решительных мер по сохранению архивного наследия. Такое сложное положение дел в архивной отрасли следует признать одной из главных причин многочисленных утрат документов в годы Великой Отечественной войны.

Только непосредственно перед оккупацией края ряд учреждений, организаций и предприятий попытался вывезти в тыл наиболее ценные архивные документы. Например, в Туркменскую ССР было эвакуировано более 27 тыс. дел земельных органов, финансовых учреждений и здравоохранения, крайстатуправления, крайоно, радиокомитета и др. В Дербент переправлена большая часть документов треста «Росглавхлеб», в Грузию – треста «Росглаввино» и Пятигорской автотранспортной конторы, в Баку – треста «Росглавптицепром» и Черкесского облисполкома [16].

Как отмечали современники, несмотря на то, что многие документы ведомственных архивов были подготовлены к эвакуации, однако, вывезти их не удалось из-за отсутствия транспортных средств. Именно поэтому в учреждениях, организациях, предприятиях края оставалось большое количество документов за 1930-е – начало 1940-х гг. (точное их количество не было известно в связи с тем, что они находились в неупорядоченном состоянии).

Следует особо подчеркнуть, что большой урон Архивному фонду края был нанесен еще до оккупации Ставрополя, когда документы уничтожались из опасения использования их противником. Например, известно, что представителями местных органов НКВД и милиции сожжено огромное количество документов государственных архивов Черкесской автономной области, Кизлярского округа, районных и городских архивов. С санкции начальника милиции Карачаевской области были уничтожены все остававши-

еся в Микоян-Шахаре документы областного архива. Большая часть документов ведомственных архивов края также была сожжена. Так, перед вступлением немецких войск уничтожили все документы Ставропольского горстройтреста, горземлесхоза, частично сожжены материалы ВНИИОКа, крайсельхозснаба, крайпроекта и др. Заметим, что уничтожались документы либо непосредственно представителями местных органов НКВД, либо по их требованию и с их согласия.

Таким образом, перед оккупацией края только в ряде учреждений, организаций, предприятий оставалась определенная часть документов, в том числе в Ставропольском геобюро, сельхозинституте, крайпроекте и др. [17].

24 июля 1942 г. Г. К. Ларичеву было выдано удостоверение, подтверждавшее назначение его «ответственным руководителем по сопровождению специального груза УНКВД, крайкома партии и крайисполкома в количестве 9 вагонов до станции Кзыл-Орда Казахской ССР» [18].

Очевидно тогда же, 24–25 июля 1942 г., «спецгруз» покинул Ворошиловск. В этот раз под архивные материалы выделили 2 вагона, в которых разместилось около 74 тыс. дел, в том числе: около 45 тыс. дел крайгосархива, более 22 тыс. дел его филиала в г. Пятигорске, более 1,5 тыс. дел Государственного архива Черкесской автономной области, около 1 тыс. дел Государственного архива Карачаевской автономной области и около 4 тыс. дел Государственного архива Кизлярского округа. Одновременно были вывезены материалы УНКВД, крайкома ВКП(б) и крайисполкома. Из 22 архивных работников края эвакуировалось 16, остальные оставались на оккупированной территории [19].

Вторая партия эвакуированных архивных документов прибыла в Казахскую ССР 19 августа 1942 г. И в этот раз местные власти категорически отказывались предоставить помещения для их хранения. Только в середине сентября наконец-то было выделено здание бывшей церкви, где архивные материалы разместили прямо в ящиках [20]. Практически через 2 месяца удалось дополнительно получить еще одно небольшое саманное здание для работы архивистов. И еще почти через месяц, наконец-то, приобретена во временное пользование мебель – столы и стулья, большая часть из которых была сломана и подлежала ремонту [21]. Вот в таких трудных условиях приходилось работать эвакуированным архивистам. Причем, их количество периодически менялось: то увеличивалось до десяти человек, то уменьшалось до двух. Это зависело от размеров финансирования. Они проводили проверку наличия дел, продолжали спецразработку документов, восстанавливали рабочие картотеки, готовили публикации для газет и радио края.

В период оккупации территории Ставрополья в краевом центре на базе оставшихся в хранилищах документов крайгосархива 10 сентября 1942 г. был создан городской архив, который находился в ведении отдела просвещения городской управы. В нем работали 2 бывших сотрудника крайгосархива и несколько педагогов. Руководил архивом Радкевич (инициалы в документах не указаны), до этого преподававший в Ворошиловском пединституте.

В связи с возобновлением богослужения в Андреевском соборе городской архив переместил в здание краеведческого музея около 400 тыс. дел крайгосархива. При этом около 100 тыс. дел было утрачено, систематизация остальных дел полностью нарушена, часть материалов превращена в россыль. Сотрудники городского архива проработали в здании краеведческого музея вплоть до возвращения в краевой центр первой оперативной группы ОГА УНКВД 1 февраля 1943 г. [22].

Вскоре после освобождения территории края, уже в феврале – марте 1943 г. архивные учреждения возобновили работу. В «совершенно секретном» письме начальника УГА НКВД СССР, майора госбезопасности И. И. Никитинского начальнику УНКВД по Ставропольскому краю, майору госбезопасности В. М. Панкову от 4 февраля 1943 г. отмечалось, что эвакуация документальных материалов государственных архивов края была проведена в недостаточном объеме. Подавляющее количество документов продолжало оставаться на местах и поэтому в период оккупации «попало в руки врага». Никитинский рекомендовал провести обследование всех архивов края в целях определения количества утраченных документов, а также принять меры по сбору, учету и сохранению уцелевших документов и восстановлению деятельности государственных архивов.

Из сотрудников УНКВД и крайгосархива была сформирована специальная группа, которой был поручен сбор трофейных материалов, документов по истории войны, о партизанском движении. Одновременно изучалось состояние ведомственных архивов. Из-за нехватки специалистов по согласованию с крайкомом партии к этой работе привлекались также студенты педагогического и медицинского институтов, которые в районах и городах края занимались сбором документов периода войны и воспоминаний об участии жителей Ставрополья в партизанском движении, о пребывании оккупантов и т. д. [23].

Для обеспечения полноценной работы государственных архивов края их штат вместе с ОГА УНКВД был увеличен и в июне 1943 г. составил 61 единицу. В связи с тем, что они входили в систему органов НКВД, все без исключения работники проходили тщательную проверку спецотделов УНКВД, а руководящий состав – особой инспекции. Очевидно, именно с этим было связано то, что весь штат укомплектовать удалось не сразу. Так, в середине июня 1943 г. в ОГА УНКВД и государственных архивах края работало всего 34 человека, т. е. немногим более половины, чем предусматривалось [24].

На базе эвакуированных архивных материалов в марте 1943 г. было образовано Кзыл-Ординское отделение ОГА УНКВД по Ставропольскому краю. Его возглавила выпускница Московского государственного историко-архивного института, научный сотрудник крайгосархива Нина Ивановна Прокофьева, работавшая в архивной системе края с марта 1936 г.

Как отмечалось в отчетах, архивистами проводилась большая работа по проверке наличия и учету эвакуированных документов. В результате было установлено большое количество ошибок, допущенных при подготовке до-

кументов к вывозу как в 1941 г., так и в 1942 г. В частности, выявлены значительные расхождения в количестве единиц хранения, имевшихся в наличии и отмеченных в прилагавшихся списках. Таким образом были уточнены данные по 825 фондам, в том числе 410 фондам крайгосархива, 304 – филиала крайгосархива в Пятигорске, 44 – Государственного архива Черкесской автономной области, 34 – Государственного архива Карачаевской автономной области, 33 – Государственного архива Кизлярского округа. Кроме того архивистами продолжалась спецразработка секретных фондов. Определенное внимание уделялось и использованию документов. Однако, учитывая, что документы располагались в ящиках, сложенных штабелями, проводить научную работу было крайне сложно.

Сотрудники отделения отмечали, что огромное количество рабочего времени тратилось на решение чисто административно-хозяйственных вопросов, в том числе финансовое и материальное обеспечение, урегулирование бытовых проблем и т. д. Большие трудности испытывали архивисты в снабжении керосином, топливом (саксаулом), другими материалами. Отмечалась неоднократная задержка заработной платы [25]. В общем, эвакуированным архивистам пришлось перенести все тяготы военного времени. Не обошлось и без утрат. Незадолго до эвакуации начальник Государственного архива Черкесской автономной области О. Ф. Сидорова, приехавшая в Казахстан с двумя малолетними детьми, потеряла одного из них.

После освобождения территории края велась переписка о необходимости возвращения в г. Ставрополь материалов Кзыл-Ординского отделения. Вопрос решался около четырех месяцев. Только 30 июля 1943 г. удалось выехать на родину трем сотрудникам отделения, которые сопровождали вагон эвакуируемых архивных документов. В краевой центр они прибыли 25 августа 1943 г. [26].

А еще через полгода, 3 февраля 1944 г., из г. Кзыл-Орда были отправлены все остальные архивные документы. С этого времени Кзыл-Ординское отделение ОГА УНКВД прекратило свою деятельность [27].

Как отмечалось в отчетах, в 1943 и 1944 гг. на Старополье были возвращены абсолютно все вывозившиеся документы государственных архивов края. Однако в источниках указываются различные данные: 84 тыс. дел, около 85 тыс. дел, что, очевидно, связано с расхождениями в учетных данных [28].

Следует отметить, что эвакуировавшиеся документы ведомственных архивов края сохранились неполностью, так как часть из них погибла в бомбежках при транспортировке, а также уничтожена в ходе эвакуации (по дороге «в связи с быстрым продвижением немецких войск»). Такая участь постигла документы крайветснаба, школы глухонемых и ряда других организаций [29].

Каковы же оказались потери архивных документов в годы Великой Отечественной войны?

В акте об ущербе, нанесенном крайгосархиву, зафиксировано: почти все оставшиеся в г. Ставрополе документы советского периода оказались

разграбленными и уничтоженными. При этом сообщается, что из 100 тыс. дел уцелело только 25 тыс. дел. Часть документов советского периода была сожжена непосредственно перед оккупацией города. Погибло около 100 тыс. дел дореволюционного периода. Оставшиеся 400 тыс. дел требовали научно-технической обработки. Замурованные в подвале Андреевского собора около 120 тыс. дел ко времени изгнания оккупантов начали подвергаться порче из-за очень близкого расположения грунтовых вод. Разграблена и уничтожена значительная часть научно-справочной библиотеки архива – около 5 тыс. томов изданий [30].

В списках утраченных материалов крайгосархива указываются фонды волостных и станичных правлений, Кавказского окружного предводителя дворянства, уездных комиссий по выборам в Учредительное собрание, Терской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, волостных и сельских Советов, продовольственных комиссий и комитетов, сельскохозяйственных товариществ, коммун и кооперативов и др. Всего значится погибшими 309 фондов [31]. Кроме того, 70% уцелевших архивных дел оказалось в россыпи. В связи с необходимостью проведения большого объема работ по их описанию, систематизации и учету плановое комплектование крайгосархива удалось возобновить только в 1949 г.

При отступлении из Пятигорска немцы взорвали здание филиала крайгосархива, в котором погибла значительная часть архивных документов – около 100 тыс. дел. Остальная часть документов филиала была расхищена. Как свидетельствуют источники, позже некоторые из них удалось обнаружить на предприятии треста «Росглавмясо», в Ставропольской краевой конторе «Главмясомолбыт», на складе конторы «Утильсырьё»(!!!). В результате длительных переговоров филиал вернул только незначительную часть. Безрезультатными оказались попытки привлечь к ответственности лиц, причастных к гибели архивных документов [32].

Как уже отмечалось, часть документов госархивов Черкесской и Карачаевской автономной областей, Кизлярского округа, а также большинства районных и городских архивов была уничтожена непосредственно перед оккупацией начальниками управлений и отделов УНКВД, а также сотрудниками архивов по распоряжениям соответствующих органов. Немало отмечалось случаев, когда районные и городские отделы УНКВД, попадая в окружение, уничтожали эвакуируемые документы.

Основная часть документов ведомственных архивов края также была уничтожена перед оккупацией, другая же их часть разграблена или уничтожена в период оккупации, в том числе архивы крайторготдела, Ставропольского горфо, сельскохозяйственного института и др. [33].

В 1943 г. специальная краевая комиссия обобщила данные 1128 актов об ущербе, нанесенном архивам Ставрополья. В итоговой справке комиссия отмечала гибель («уничтожено и сожжено») 968692 дел и 82679 кг документов (здесь и далее в килограммах указываются, очевидно, неупорядоченные документы. – В. Б.), 232641 карточек, в том чис-

ле: при бомбежках – 11289 дел; уничтожено немцами – 411984 дел и 15198 кг, 32199 карточек; сожжено сотрудниками учреждений, предприятий, организаций – 546377 дел и 674481 кг, 197958 карточек. Комиссия подсчитала, что в тыл эвакуировалось 84005 дел, оставалось на хранении после оккупации 438822 дел [34].

Как видно из справки, абсолютное большинство архивных документов погибло в результате их уничтожения органами НКВД, а также сотрудниками архивов, учреждений, организаций, предприятий (с учетом неупорядоченных документов их количество составит, очевидно, более 60%).

В справке отмечаются следующие виды документальных утрат: в результате боевых действий, варварского обращения оккупантов с архивами; уничтожение представителями учреждений, предприятий вследствие угрозы их захвата противником.

Остается неясным, учитывались ли сведения об архивных документах, расхищенных жителями края в период оккупации в целях использования их для растопки и отопления помещений, «на курево», для текущей переписки (из-за нехватки бумаги) и др., т. е. для обеспечения жизнедеятельности людей.

Очевидно, без ответа останется также вопрос, к какому виду утрат следовало отнести обнаружение в начале 1943 г. в макулатуре (!!!) конторы «Утильсырье» части документов взорванного немцами филиала крайгосархива в г. Пятигорске (по накладным значится 5400 кг).

Учитывая это, а также определение комиссией количества неупорядоченных архивных документов в килограммах (вполне возможно только визуально, без взвешивания), мы можем сделать вывод о том, что в справке указываются весьма приблизительные цифры.

Особо следует отметить, что сведений о вывозе немецкими войсками документов из ставропольских архивов не выявлено.

По подсчетам, произведенным сразу же после окончания войны, в крае удалось спасти и сохранить в целом свыше 530 тыс. дел архивных документов, что составляло третью часть Архивного фонда Ставропольского края [35].

Таким образом, анализ документов выявил значительные расхождения в данных об утратах документальных фондов в годы Великой Отечественной войны и подтвердил необходимость уточнения нанесенного ущерба как в качественном, так и количественном отношении.

В связи с этим, а также в целях определения возможных путей реконструкции исторических сведений, отражавшихся в погибших источниках, и пополнения ими архивных собраний представляется актуальным проведение научно-исследовательских работ по созданию каталога утраченных на Ставрополье архивных фондов и документов с широким привлечением документов федеральных архивов (в первую очередь Государственного архива Российской Федерации – Ф. Р – 5325), сведений Центрального фондового каталога Федерального архивного агентства, а также тематической базы данных ВНИИДАД [36]. Составной их частью должно стать выявление, описание, си-

стематизация и публикация сведений об утраченных фондах государственных и партийных архивов, рукописных отделов музеев и библиотек, а также ведомственных архивов края.

Примечания

1. ГАСК. Ф. Р – 1647. Оп. 2. Д. 14, 14а; Ф. Р – 1193. Оп. 1. Д. 27, 33. Оп. 3. Д. 58, 59 и др.
2. ГАСК. Ф. Р – 1647. Оп. 3. Д. 90. Л. 3; Д. 101. Л. 2.
3. Там же. Д. 68. Л. 3.
4. Там же. Д. 120. Л. 1–2; Д. 19. Л. 11–12; Д. 68. Л. 4.
5. Там же. Д. 120. Л. 2.
6. Там же. Д. 68. Л. 5–7 об.
7. Там же. Д. 120. Л. 1, 7.
8. Там же. Л. 9–10 об.
9. Там же. Д. 142. Л. 5–6.
10. Там же. Д. 69. Л. 2.
11. Там же. Д. 71. Л. 1; Д. 120. Л. 2, 4. Док. № 120.
12. Там же. Оп. 1. Д. 137. Л. 1, 4.
13. Там же. Оп. 3. Д. 119. Л. 4–5.
14. Там же. Оп. 1. Д. 129.
15. Там же. Д. 137. Л. 12.
16. Там же. Оп. 3. Д. 142. Л. 17 об.; см. также: Оп. 1. Д. 148–149. Док. № 124.
17. Там же. Оп. 3. Д. 142. Л. 17. Док. № 124.
18. Там же. Оп. 3. Д. 119. Л. 9.
19. Там же. Л. 19; Д. 142. Л. 3–4.
20. Там же. Д. 119. Л. 14–15.
21. Там же. Оп. 1. Д. 132а. Л. 1–2.
22. Там же. Оп. 3. Д. 142. Л. 12, 24. Док. № 124.
23. Там же. Оп. 3. Д. 125. Л. 1; Оп. 1. Д. 148–149; Оп. 3. Д. 142. Л. 19–20.
24. Там же. Оп. 3. Д. 142. Л. 3–4; Оп. 1. Д. 140. Л. 1.
25. Там же. Оп. 1. Д. 144. Л. 2–9, 11–18 и др.
26. Там же. Оп. 3. Д. 142. Л. 1–2, 21 об.
27. Там же. Оп. 1. Д. 141. Л. 8.
28. Там же. Оп. 3. Д. 69. Л. 11–12, 14; Д. 142. Л. 5, 17 об. и др.
29. Там же. Оп. 1. Д. 148–149 и др.
30. Там же. Оп. 1. Д. 146. Л. 6–12; Оп. 3. Д. 142. Л. 17; Ф. Р – 1193. Оп. 1. Д. 56.
31. Там же. Ф. Р – 1193. Оп. 1. Д. 89; Ф. Р – 1647. Оп. 3. Д. 252.
32. Там же. Ф. Р – 1647. Оп. 1. Д. 146. Л. 1–2, 17; Оп. 3. Д. 125. Л. 11, 25 и др.
33. Там же. Оп. 3. Д. 142. Л. 11–13, 17–18. Док. № 124.
34. Там же. Оп. 3. Д. 69. Л. 14.
35. Там же. Л. 12.
36. Звавич В. И., Новикова Е. Э. Каталог утраченных в годы Великой Отечественной войны фондов государственных архивов // Отечественные архивы. – 1998. – № 2. – С. 16–18.

